Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-281-288

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,
главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: sko.05@mail.ru

СТАТУС ПАРТИЗАНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ПРАВА

Аннотация. *В 1962 году в двух испанских городах (Памплоне и Сарагоссе) Карл Шмитт прочитал два доклада на одну и ту же тему. Позднее он объединил эти доклады и опубликовал в форме небольшой монографии. Так возникла шмиттовская «теория партизана». Главный тезис этой теории сводится к постулату, что «партизан воюет иррегулярно», т.е. принципиально «не по правилам» международного военного права (Kriegsrecht). Автор этих строк предпринял попытку интегрировать указанную теорию Шмитта в более широкий контекст взаимодействия международного и внутреннего права. В оптике международного права «партизанская тема» обычно ассоциируется с международно-правовой защитой коллективных прав, например, права народов на самоопределение. В контексте же внутреннего права «партизанская тема» обычно интегрирована в уголовное право, но при этом вместо термина «партизан» используется слово «бандит». В итоге можно сделать вывод о том, что термин «партизан» несет в себе неустранимую амбивалентность, т.е. приобретает уникальный смысл лишь в точке соприкосновения оптики международного права и оптики внутреннего права.*

Ключевые слова: *партизанская война, статус партизана, теория партизана Карла Шмитта, территориальный суверенитет, персональный суверенитет, международное военное право, соотношение международного и внутреннего права.*

KOROLEV Sergey V.,
Chief scientific researcher of the International Law Department at the State and Law Institute (the Russian Academy of Sciences), doctor juris habil., full professor

THE GUERILLA STATUS IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL AND CONSTITUTIONAL LAW THEORY

Annotation. *In 1962 Carl Schmitt was invited to two cities in Spain (Pamplona and Saragossa) in order to hold a report in each city highlighting the guerilla warfare. Later on both reports were consolidated in the form of a small monograph. Thus, the Schmitt's "guerilla theory" was established. The main thesis of this theory boils down to the postulate, that "a guerilla fights irregularly", i.e. he in principle disregards the rules of the international warfare law (Kriegsrecht). The author of this article has tried to integrate the said Schmitt's theory into the broader context of interaction of international and internal law. In the light of international law the "guerilla theme" is usually associated with legal protection of collective rights, for example, with the people's right to self-determination. By contrast, in the light of internal law the "guerilla theme" is usually part of criminal law, but the term "guerilla" is usually substituted for the word "bandit". It may be concluded that the term "guerilla" is imbued with the irremediable ambivalence and only acquires its unique sense in the point of juxtaposition of the international law optics and the perspective of internal law.*

Key words: *guerilla warfare, guerilla status, the Carl Schmitt's guerilla theory, territorial sovereignty, personal sovereignty, international warfare law, international law versus internal (national) law.*

Термин «партизан» не поддается однозначному определению. Он является амбивалентным, т.е. принципиально открыт для двух конкурирующих подхода. Как мы знаем, всякое определение по Аристотелю есть указание на род (genus) и добавление видового отличия (diffrentia specifica). С другой стороны, законы логики, особенно закон тождества и закон непротиворечия, запрещают применять в дефиниции больше одного родового понятия. Один род исключает другой, что изящно сформулировал Барух Спиноза: «Omnis determinatio est negatio» (=всякое опреде-

ление есть отрицание).

Амбивалентность понятия «партизан» заключается в том, что с одной стороны его можно подвести под понятие «воин», а с другой – под понятие «гражданское, или цивильное лицо». Применительно к определенному лицу указанную амбивалентность по слову Никласа Луманна [10] можно «раздифференцировать» по месту и времени. Например, в лесу и ночью партизан - это «воин», а в селе и днем тот же самый субъект – уже не «партизан», а обычное «гражданское лицо». Но такая фактическая «раздифференциация» лишь усложняет проблему юридической идентификации «партизана», определение его юридического статуса, что создает особую апорию, прежде всего, для оккупирующего государства и соответствующего оккупационного режима.

От проблематики юридического статуса партизана переходим к проблеме «партизанщины» как особого поведения. Толкование такого поведения возможно в терминах «аномии», т.е. дословно «беззакония» или же в терминах «анархии», что не одно и то же (см. ниже). В социологическом смысле, например, по теории аномии Дюркгейма [3] партизан – это человек, отрицающий солидарную связь со всеми представителями оккупационного режима. Партизан это - субъект, который бросает вызов оккупационному порядку и, следовательно, оккупирующему государству. Более того, для партизан кандидатами на уничтожение являются не только вражеские солдаты, но и местные коллаборационисты той же этнической принадлежности, что и партизаны, т.е. предатели.

С аномией тесно связан - хотя и не совпадает с ней - в тенденции анархический характер партизанского поведения. Оно, правда, является вполне конструктивным в части самоорганизации, например, в контексте стихийного объединения партизан в некую боевую единицу, но деструктивной в отношении оккупационного режима (диверсии, поджоги, взрывы и т.п.), а также той части местного населения, которая предпочла бы сохранить «нейтралитет».

В контексте публичного права мы наблюдаем уже внутрисистемную амбивалентность регулирования «партизанщины». Так, для государственного права оккупирующего государства «партизаны» это - уголовники, убийцы, мародеры и т.п. Для международного права – не все столь однозначно. Например, в контексте международного права трудно отграничить «партизан» от участников «национально-освободительного движения» или прочих «нонкомбатантов».

В рамках «чистой» социологии тема «партизанское движение» – это, прежде всего, реплика темы «анархизм» как особого мировоззрения. В этом смысле партизаны - это своеобразные анархисты, которые открыто и насильственно отрицают raison d'etre оккупирующего государства. Последнее воспринимается ими не просто как враждебное явление, а как символ зла, который должен быть уничтожен в духе знаменитой максимы Катона Старшего: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» (Лат. «К тому же, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»). При таком подходе, зона оккупации с точки зрения партизан становится своеобразной сферой jus necessitatis, т.е. «чрезвычайного права». Последнее «императивно узаконивает», например, право на уничтожение врага везде и всегда и, прежде всего, по формальным признакам (например, как носителя неприятельской военной формы).

С другой стороны, как и всякая военизированная организация партизанский отряд держится на авторитете своего руководителя - нередко, харизматического лидера. Данное обстоятельство объясняет, что партизанский отряд, являясь фактором аномии [3], т.е. попросту беззакония и планомерной дестабилизации оккупационного режима, внутри себя представляет замкнутый правовой коллектив, жизнедеятельность которого, на мой взгляд, можно адекватно толковать лишь в терминах императивной теории права, разработанной еще Джоном Остином в середине 19 века (=право – это приказ) [2].

В перспективе социологии права или скандинавского правового реализма (Я намеренно отвлекаюсь здесь от американского правового реализма как особой версии судейского права, тесно связанного с концепцией Кельзена о правоположении, или правоустановлении. На мой взгляд, тему судейского права «по-американски» весьма трудно совместить с «партизанской темой») «партизанская тема» - это уже вопрос не статуса, не нормы, не правового регулирования, а юридически значимого факта, узнаваемого человеческого поведения. Здесь возникает вопрос о том, насколько поведение партизан (например, планомерные убийства солдат оккупационной армии из засады) являются «легитимными», т.е. рассматриваются как легитимные со стороны автохтонного населения оккупированной территории. Другими словами, возникает вопрос о том, в какой степени автохтонные «непартизаны» симпатизируют и поддерживают партизан, насколько они считают их «своими», насколько они идентифицируют себя с теми, кто с точки зрения оккупационного режима не просто узнаваемый «неприятель» в составе регулярной армии противника, а часто – «невидимый злодей, коварный убийца, бандит и террорист».

С точки зрения систематики права понятие «партизан», как сказано в самом начале, является амбивалентным и, следовательно, внутренне противоречивым. В контексте логики националь-

ного правопорядка (при условии сохранения государством территориального суверенитета в той части, где орудуют неподконтрольные военизированные формирования) «партизанщина» - это, скорее, сфера уголовного права наряду с такими понятиями, как «бандитизм», «грабеж», «массовые убийства» и даже «терроризм».

Однако оптика международного права высвечивает совсем иные аспекты партизанского движения. В этой оптике «партизанское движение» может восприниматься как аналог «освободительной борьбы». Порой оно даже освящается как легитимная форма права народа на вооруженное восстание, как против внешнего (внезапного) агрессора, так и против внутреннего многолетнего «колониального режима», в отношении которого партизаны испытывают неистребимый социокультурный ресентимент, например, в духе Макса Шелера [1].

Другими словами, один и тот же термин – в зависимости от идеологической перспективы внутреннего или же международного права – может находиться как на полюсе «абсолютного зла», так и на полюсе «абсолютного добра». Таким образом, понятие «партизан» приобретает статус теоретической апории почти в духе Зенона. Соответственно, только теория в состоянии (1) опознать широту и глубину выявленной проблемы и (2) наметить пути, если не разрешения этой проблемы, то, по крайней мере, её смягчения и контроля.

В контексте императивной теории права представляет особый интерес небольшая послевоенная работа Карла Шмитта под названием «Теория партизана» [11]. Указанная брошюра является переработанной версией двух докладов, которые Карл Шмитт прочитал в двух испанских городах: в Памплоне 15 марта 1962 года по приглашению Наваррского фонда «Общих Исследований» (Estudio General de Navarra) и в Сарагоссе 17 марта того же года по приглашению университета Сарагоссы.

Как отмечает Шмитт, точкой отсчета для идентификации «проблемы партизана» является партизанская борьба (der Guerrilla-Krieg), которую испанский народ вел с 1808 по 1813 годы против войск внешнего завоевателя, а именно против французской агрессии. В этой войне «испанский народ – добуржуазный, допромышленный и доконвенционный - впервые столкнулся с современной, хорошо организованной, регулярной армией, закаленной в стихии Французской революции» [11].

Квинтэссенцией всей работы является тезис Шмитта, что «партизан воюет иррегулярно» [11], т.е. не по правилам. Канонизация же правил ведения боя, а также их международно-правовая «кодификация» в виде т.н. военного права (Kriegsrecht) стали возможны лишь в итоге накопленного опыта суверенных европейских государств в ходе боевых столкновений их национальных армий. Лишь после столкновения испанских военизированных формирований с регулярной французской армией, по мнению Шмитта, термин «партизан» получил свой негативный смысл, т.е. слово «партизаны» стало восприниматься как антипод слова «регулярная армия».

До этого «испанского инцидента» боестолкновения регулярных армий противоборствующих государств, например, Франции и Австрии или Дании и Пруссии подчинялись правилу: победитель в генеральном сражении является и победителем всей кампании. Соответственно, государство, армия которого потерпела поражение в этом сражении, признает себя побежденным и боевые действия прекращаются.

В испанском походе Наполеона сначала все шло по правилам: осенью 1808 года доблестная армия Наполеона нанесла поражение регулярной испанской армии. Испанская правящая элита признала свое поражение, но простые испанские селяне решили иначе. Они объединились в плохо вооруженные шайки и стали нападать на французов там, где это было возможно. Все пошло не так: вместо регулярных сражений почти по правилам шахматной игры «народные бандиты» Испании стали делать беспорядочные вылазки в местах дислокации французских гарнизонов, совершая молниеносные наскоки и тут же исчезая. Таким образом, после поражения регулярной испанской армии война вовсе не закончилась, как следовало по правилам международного военного права (Kriegsrecht), а стала диффузной и фактически расползлась на многочисленные тлеющие очаги, на «200 маленьких локальных войн в Астурии, Арагоне, Каталонии, Наварре, Кастилии и т.п.» [11].

Для того, чтобы противостоять испанским партизанам Наполеон Бонапарт был вынужден половину своей регулярной армии рассредоточить по провинциальным гарнизонам номинально уже завоеванной страны. Из испанского контингента французской армии примерно половина солдат, т.е. 250 -260 тыс., были постоянно привязаны к своему месту дислокации ввиду частых, плохо предсказуемых наскоков со стороны небольших, но беспокойных партизанских отрядов, совокупной численностью не более 50 тыс. человек [11]. Как видим, один даже самый необученный партизан был в состоянии нейтрализовать свободу действий пяти солдат профессиональной армии неприятеля. Если бы контингент испанских партизан насчитывал до 100 тыс. человек, то инициативная активность всего французского оккупационного корпуса в Испании была бы сведена к нулю: французским оккупантам пришлось

бы только реагировать на постоянные, но плохо предсказуемые «москитные укусы» испанских партизан.

Испанский мужик, взявшийся за вилы народной войны против внешнего захватчика, стал триггером двух доселе не виданных парадоксов. Первый парадокс «испанской партизанщины» заключался в том, что испанская королевская семья была дезориентирована и не знала, кто для неё более опасен – «узурпатор» французской короны Наполеон, т.е. внешний агрессор или же собственное неграмотное мужичье, «нарушающее» каноны международного военного права.

Второй парадокс, тесно связанный с первым, заключался в том, что образованное испанское общество почти исключительно состояло из afrancesados, т.е. офранцуженных аристократов, чиновников и деятелей искусства. Испанские afrancesados были возмущены «мужицким бандитизмом» против очаровательных гостей из Франции, не менее, чем сами захватчики. С другой стороны, для простого испанского населения аристократы – afrancesados были не более, чем негодяи и предатели.

Здесь невольно напрашивается параллель с российской аристократией того же времени. Она тоже почти поголовно находилась под очарованием французской культуры и была явно отчуждена от народа социальным и культурным барьером. Однако, как показали события 1812 года, российские аристократы в период грозных испытаний оказались антиподами испанских, а также немецких и прочих европейских afrancesados.

После окончательного поражения Наполеона (под Ватерлоо в 1815 году) испанский инцидент и, соответственно, тема «партизанщины» была предана забвению. Венский Конгресс 1814-15 годов, закрепляя победу над Наполеоном, был не только символом реставрации монархических режимов в Западной Европе, но и символом классического международного военного права. Его правила действительно соблюдались в европейских вооруженных конфликтов вплоть до Первой мировой войны, которая, правда, внесла свои зловещие предвозвестники деградации классического военного права (химические атаки немцев, а также «партизанская тактика» немецких подлодок.).

Как бы то ни было, именно в рамках классического международного военного права были разграничены такие понятия, как «война» и «мир», (внешний) «неприятель» и (внутренний) «преступник» [11]. В терминах классического военного права «испанский инцидент» рассматривался как досадная аномалия, как маргинальный эпизод. Аристократическая идеология международного военного права по определению не могла интегрировать «испанскую аномалию» в качестве прецедента для разработки будущей самостоятельной теории партизанского движения. Партизанщина как таковая была несовместима с идеологией войны как «коллективной аристократической дуэли», подлежащей строгим джентльменским правилам.

Как полагает Шмитт, партизанское мировоззрение - в отличие от партизанского поведения - возникло позднее, а именно является продуктом 20 века, когда внутри самих национальных элит аристократический дух классического международного права стал активно вытесняться буржуазным («газетным» и коммерческим) духом. Партизанское мировоззрение по Шмитту сводится к следующем тезису: «Современный партизан не ожидает от врага ни (соблюдения – С.К.) права, ни милости» [11]. Такое мировоззрение само по себе носит подрывной, или даже провокационный характер: враг партизана может эффективно противостоять ему только посредством отказа от классических (джентльменских) правил ведения боя. Против партизанского террора эффективен только «контр - террор до полного уничтожения» [11].

Шмитт проницательно диагностирует генетическую связь «партизанщины» (Partisanentum) как универсального явления с гражданскими и колониальными войнами 20 века. Более того, по мнению Шмитта, существенный изъян современного международного права заключается как раз в том, что в сознании международников эти тревожные явления оттесняются на задний план, остаются за кадром теоретического осмысления. До сих пор в сознании юристов-международников война представлена как нормированный вооруженный конфликт между государствами [11]. Однако, такие конфликты – mutatis mutandis (Лат. «изменив то, что следует изменить») - иногда можно рассматривать и в терминах «столкновения цивилизаций» по Хантингтону [4].

В этом ключе представляет интерес «русская тема» в «теории партизана» Шмитта. Фактически он ставит в один ряд рассмотренный «испанский прецедент» и российский вклад в идеологию партизанского движения. Согласно Шмитту русские партизаны Отечественной войны 1812 года применяли две стратегии: (1) во время наступления Наполеоновской армии они внезапными вылазками постоянно досаждали французам, не причиняя им существенного вреда, но замедляя французское продвижение вглубь России и (2) во время отступления Наполеона от сожженной Москвы русские партизаны, по мнению Шмитта, просто «убивали мерзнущих и голодающих французов» [11]. Столь безапелляционный вывод Шмитта нельзя считать безупречным, хотя и в некоторой правдоподобности ему отказать также

нельзя.

Однако есть один лингвистический аргумент, который можно толковать, скорее, в пользу своеобразного, а именно «грубого милосердия» русского народа, включая и партизан из крепостных. В современном русском просторечье ещё живет слово «шерамыга, шерамыжник», производное от французского приветствия «cher ami» (Фр. «дорогой друг»). Именно этими словами «мерзнущие и голодающие французы» начинали свою просьбу о помощи, и многие её получали, причем не только от сердобольных русских селянок, но и простых крепостных мужиков.

В словаре В.И. Даля «шерамыга» это - «шатун и плут, обирала и оплетала». Разумеется, к французским солдатам 1814 года такое позднее значение не относится, но намек на тогдашнего «французского шерамыгу» можно узреть в примере из словаря В.И. Даля: «Хоть бы где нонче на шеромыжку пообедать». В русском менталитете – по крайней мере, так было в 19 веке - было укоренено не только правило, что «лежачих не бьют», но и правило «просит убогий, а подаешь Богу». Французский шерамыга 1814 года был, прежде всего, убогий человек, т.е. хотя и скудный, и нищий, но под защитой Бога. Этим для тогдашнего русского православного мужика все уже сказано. И указанной лингвистической ссылки, на мой взгляд, достаточно, чтобы дезавуировать тенденциозное мнение Шмитта о якобы тотальной свирепости русских «крепостных партизан».

С точки зрения систематики юридической науки феномен «партизанщины» имеет тройственную связь:

с юридическим нормативизмом в духе Ганса Кельзена [6],

с социологией права в духе Рудольфа фон Иеринга [13] или же со скандинавским правовым реализмом [12] и, наконец,

с децизионизмом Карла Шмитта [7].

Юриста-нормативиста партизанская тема может заинтересовать в контексте учения Ганса Кельзена о правоположении (Rechtssatz). Кельзен различает правоположение в узком смысле [7] как установленное правило поведения для подвластных, и правоположение в широком смысле как правило, которое государство как бы адресует само себе и посредством которого бюрократия регулирует свое собственное поведение [9].

Правоположение в узком, или собственном смысле в учении Кельзена вызывает ассоциацию с первичными нормами (primary rules) в духе Герберта Харта [9]. Классическим примером первичных норм по Харту являются нормы уголовного права. Напротив, правоположения в широком смысле напоминают вторичные нормы (secondary norms) Герберта Харта. Такими нормами по Харту являются нормы договорного права, посредством которых стороны могут изменять свое будущее поведение в целях согласованного достижения своих целей. Посредством правоположений в широком смысле в духе Кельзена или вторичных норм в духе Харта - что далеко не одно и то же - уполномоченные органы государства могут менять «правила игры», как для подвластных, так и для бюрократии. В терминах Харта они могут менять, как первичные нормы, так и (предшествующие) вторичные нормы.

Тем не менее, кельзеновские правоположения в широком смысле отличаются от вторичных норм в духе Харта своим генезисом. Кельзен как автор «чистой теории права» явно находился под влиянием знаменитой теории Георга Еллинека о «самообязывании государства» [5]. Поскольку нормативизм позиционирует себя как по преимуществу формальная (процессуальная и т.п.) юриспруденция, то особую важность приобретает формальная аргументация. При формальном подходе следует отметить, что анализу правоположения в узком смысле, т.е. вопросам регулирования поведения подвластных, Кельзен посвящает целых две главы и, соответственно, 56 страниц текста [7].

Однако анализу правоположения в широком смысле, т.е. теме «самообязывания государства», он посвящает лишь одну главу и, соответственно, 25 страниц текста [7]. Как видим, Кельзен допускает асимметрию между «правом для подданных» и «правом для бюрократии по поводу, как «самообязывания», так и регламентации поведения подданных». Данное обстоятельство можно интерпретировать как идеологическую ангажированность «чистой теории права» Кельзена [8] в пользу правящего аппарата, которому (если подходить формально, т.е. по результатам подсчета страниц текста) дозволено себя «самообязывать» в два раза меньше и легче, чем обязывать обычных граждан.

На оккупированной территории кельзеновское правоположение в узком смысле может функционировать как:

монистическая (=монотонная) норма для тех, кто в принципе не ставит под сомнение оккупационный режим, либо

как дуальная (=дихотомическая) норма, которая символизирует конфликт между оккупационной нормой государства-агрессора и латентной нормой «отступившего государства», правопорядок которого действовал на захваченной территории до момента оккупации.

В терминах конституционного права «дихотомическая норма» символизирует разрыв между принципом легальности оккупационной нормы и («тлеющей») легитимностью автохтонной, т.е. до-окупационной нормы в тех случаях, когда предписания этих норм несовместимы. Та-

ким образом, автохтонное население на оккупированной территории как бы стоит перед проблемой морального выбора – между легальностью новой нормы государства-агрессора и (возможной) легитимностью старой нормы «отступившего» («родного») государства.

В терминах международного права может возникнуть также конфликт между территориальным суверенитетом оккупирующего государства и персональным суверенитетом «отступившего» государства. Разрыв между территориальным суверенитетом, который теперь «в руках» оккупанта, и «тлеющим» персональным суверенитетом, на который по-прежнему может претендовать «отступившее» государство, порождает возможность разной интерпретации одного и того же деяния. Скажем, убийство партизаном «исподтишка» местного «полицая» оккупационным правом будет расцениваться как уголовное преступление с отягчающими обстоятельствами. В контексте же персонального суверенитета «отступившего» государства оно будет означать справедливую казнь коллаборациониста. В первом случае исполнитель – это подлый убийца, а во втором случае – это же лицо «правильный гражданин», герой или даже «мученик», если он будет схвачен и жестоко умерщвлен представителями оккупационной власти.

Аналогичные проблемы возникают также в части применения и эффективности кельзеновских правоположений в широком смысле. Либо оккупирующее государство воспринимает автохтонное население на оккупированной территории как «дружественное» или даже «союзническое» по примеру союзнических отношений древнеримской республики с италийцами, либо относится к нему как к «чуждому» населению по примеру все той же древнеримской республики в её взаимоотношениях с римскими колониями, например, в Западной Африке.

В первом случае несобственное население оккупирующего государства (например, древние италийцы) получает возможность последующей социально-политической интеграции с метрополией (в нашем случае, с гражданами Римской республики). Во втором случае, оккупационный режим является колониальным в строгом смысле этого слова, т.е. автохтонное население колонии рассматривается метрополией лишь в качестве средства эксплуатации наряду с другими полезными «вещами», которые призваны обслуживать потребности метрополии, точнее, ее правящего класса.

В контексте заявленной темы проблема для оккупирующего государства заключается в том, что «защита такого населения потенциально также является защитой партизан» [11]. Днем оккупационный режим имеет дело с «нейтральным» и безобидным местным населением, но ночью вдруг неконтролируемая часть этого населения превращается в партизан, для которых враг на уничтожение – любой, кто одет во вражескую военную форму [11] или носящий повязку с надписью «Polizei».

С другой стороны, ещё сложнее выглядит проблема с применением и эффективностью правоположений в широком смысле для «отступившего» (по умолчанию «родного») государства. В терминах Еллинека это поднимает вопрос о том, возможно ли здесь в принципе самообязывание «отступившего» государства. Имеет ли смысл говорить о действии его правопорядка на территории вне его контроля? Тут есть очень деликатный момент: какой вообще оправданный «интерес» может быть у «отступившего государства» в отношении населения на оккупированной территории? «Испанский инцидент» свидетельствует о том, что один партизан способен парализовать инициативную активность пяти вражеских солдат. Следовательно, чем больше будет партизан на оккупированной территории, тем выше вероятность, что регулярная армия неприятеля завязнет в «болоте партизанской войны», тем легче регулярной армии «отступившего» государства перейти в контр-наступление.

Однако не все так просто в этой стратегии. Партизаны нуждаются в инфраструктуре, прежде всего в продуктах питания и средствах первой необходимости. В этой части они зависят от поддержки со стороны «нейтрального» местного населения. Последнее становится двойным заложником, как для оккупирующего государства, так и «отступившего» (по умолчанию «родного») государства. Для оккупантов условно «нейтральное» местное население – потенциальные или реальные партизаны, для «отступившего» государства то же самое население – потенциальные или реальные коллаборационисты, т.е. предатели. При таком раскладе понятие «самообязывания государства» в духе Еллинека (Selbstverpflichtung) [5] по отношению к населению на оккупированной территории теряет всякий смысл не только для оккупирующего, но и для «отступившего» государства.

Как бы то ни было, партизанское движение для «отступившего» государства может стать последней «цитаделью» своей значимости и «грядущего наступления», т.е. возврата оккупированной территории. Партизаны на ней становятся главными или даже единственными «представителями суверенитета» (временно) «отступившего» государства.

В заключение можно сказать что Карл Шмитт в отличие от господствующего в международном праве мнения не видит возможность установить семантическую и юридическую связь

между понятием «партизан» и понятием «нонкомбатант». «Понятийная неясность (положений) Гаагской и Женевских Конвенций велика и запутывает проблему. Партизан - это как раз тот, кто избегает открыто носить оружие и кто борется из засады, кто использует вражескую униформу … или любую гражданскую одежду как маскировку. Скрытность и темнота – его сильнейшее оружие, от которого он по совести не может отказаться… не перестав быть партизаном» [11].

Выводы:

В шмиттовской теории партизана знаменитая дихотомия «друг – враг» исчезает, по крайней мере, концептуально: полюс под названием «друг» практически утрачивает свою функцию. Речь идет только о том, кому, где, когда и в каком отношении партизан опасен, т.е. является врагом, а не другом. На первый взгляд, можно возразить, что партизана можно рассматривать как «друга» по отношению к «отступившему» государству. Но это приводит к абсурдному выводу, что «партизан» становится воюющим «апатридом»: он есть безусловный враг для оккупирующего государства, а для «отступившего» государства» он - «просто друг», «дружеский статус» которого еще подлежит проверке «родным» государством после (возможного) изгнания оккупантов.

Враг партизана, т.е. оккупант вынужден вести тотальную войну не только против партизан, но и местного населения. Оно является питательной средой партизанщины. Соответственно, оккупационный режим все делает для того, чтобы вынудить население отказаться от поддержки партизанского движения. Это было одной из главных целей «Общих директив по борьбе с партизанами 1944 года» (Die allgemeinen Richtlinien für die Partisanenbekämpfung 1944), на которую ссылается К.Шмитт, но которую я в интернете не нашел. С другой стороны, «отступившее» государство заинтересовано в том, чтобы вынудить «родное» население на оккупированной территории, либо уйти в партизаны, либо оказывать партизанам безоговорочную поддержку даже под угрозой провокаций со стороны «лжепартизан» на службе оккупационного режима.

В этой связи можно утверждать, что не только настоящих партизан, но и все местное население, за исключением сознательных коллаборационистов, можно считать «мучениками правового апокалипсиса». Ведь им приходилось выживать и нередко погибать в режиме двойной аномии: «отступившее» государство по факту увлекло за собой и собственный правопорядок, т.е. возникла аномия в отношении предыдущего правового опыта граждан; помимо этого, партизанский фактор провоцировал и расширял аномию в отношении оккупационного режима. Соответственно, дневной режим оккупационного порядка до наступления ночи «отрицал» действенность прежнего правопорядка, а с наступлением темноты «отступившее» государство в лице «своих партизан» до рассвета возвращало свой порядок на оккупированную территорию.

Среди явных преимуществу партизанской войны по сравнению с классическими правилами ведения боя между регулярными частями противоборствующих государств Шмитт выделяет: нерегулярность, т.е. отсутствие каких-либо правил ведения боя; повышенная политическая интенсивность, т.е. ненависть к любому носителю вражеской униформы и приспешникам оккупантов; высокая мобильность, включая быструю смену атаки и отхода; и «близость к земле», т.е. привязка и приспособленность к данной конкретной местности с её ландшафтными и климатическими особенностями [14].

Государственное право обычно делегирует проблему «партизанщины» национальному уголовному праву, т.е. квалифицирует «партизанское поведение» как уголовно-наказуемое деяние, когда речь идет о «партизанщине» на территории, подлежащей государственному режиму, который не оспаривает какое-либо иное суверенное государство.

Международное право до сих пор не смогло интегрировать феномен «партизанщины» в сферу своего регулирования. Более того, термин «нонкомбатант» фактически отодвинул на задний план проблематику партизана, который частично, например, днем подпадает под значение термина «нонкомбатант». Как бы то ни было, о статусе партизана как совокупности его прав и обязанностей на данном этапе говорить не приходится.

Положения Гаагской конвенции 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны» и Третьей Женевской конвенции 1949 года «Об обращении с военнопленными» не применяются к партизанам, поскольку они не входят в состав регулярных армий.

Четвертая Женевская конвенция 1949 года «О защите гражданского населения во время войны» не применяется к лицам на оккупированной территории, если существует «высокая вероятность» принадлежности этих лиц к партизанским формированиям.

Список литературы:

[1] Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. Пер. с немецкого А.Н. Малинкина – С.-П.: Наука. – 1999.

[2] Austin J. Lectures on Jurisprudence. Abridged by R. Campbell. – N.Y.: Henry Holt and Company. - 1875.

[3] Durkheim E. De la division du travail social. – P.: Felix alcan. – 1893.

[4] Huntington S.P. The Clash of Civilizations

and the Remaking of World Order. – N.Y.: Simon and Schuster. – 2011.

[5] Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. [1914] 3. Aufl. – Berlin: Verlag Springer. – 1929.

[6] Jhering R. Die Jurisprudenz des täglichen Lebens. 7-te Aufl. – Jena: Gustav Fischer. - 1889.

[7] Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtlehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze. – Tübingen: Verlag Mohr und Siebeck. – 1923.

[8] Kelsen H. Reine Rechtslehre. Zweite Aufl. [1960]. – Wien: Österreichische Staatsdruckerei. – 1992.

[9] Lee K.-K. Hart's Primary and Secondary Rules // Mind - Vol. 77. No. 308 (Oct., 1968).

[10] Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts. – Frankfurt/M.: Suhrkamp. - 1999.

[11] Schmitt C. Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. [1963]– Berlin: Duncker und Humblot. – 1975.

[12] Schmitt C. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Dritte Aufl. [1934]. – Berlin: Duncker und Humblot. – 2006.

[13] Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // RETFÆRD ÅRGANG 32 2009 NR. 1/124. – pp.62-82.

[14] Vad E. Strategie und Sicherheitspolitik: Perspektiven im Werk von Carl Schmitt. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1996.

References:

[1] Scheler M. Resentiment in the structure of morals. Per. from German A.N. Malinkin - S.-P.: Science. – 1999.

[2] Austin J. Lectures on Jurisprudence. Abridged by R. Campbell. – N.Y.: Henry Holt and Company. - 1875.

[3] Durkheim E. De la division du travail social. – P.: Felix alcan. – 1893.

[4] Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y. Simon and Schuster. – 2011.

[5] Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. [1914] 3. Aufl. – Berlin: Verlag Springer. – 1929.

[6] Jhering R. Die Jurisprudenz des täglichen Lebens. 7-te Aufl. – Jena: Gustav Fischer. - 1889.

[7] Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtlehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze. – Tübingen: Verlag Mohr und Siebeck. – 1923.

[8] Kelsen H. Reine Rechtslehre. Zweite Aufl. [1960]. – Wien: Österreichische Staatsdruckerei. – 1992.

[9] Lee K.-K. Hart's Primary and Secondary Rules // Mind - Vol. 77. No. 308 (Oct., 1968).

[10] Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts. – Frankfurt/M.: Suhrkamp. - 1999.

[11] Schmitt C. Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. [1963] – Berlin: Duncker und Humblot. – 1975.

[12] Schmitt C. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Dritte Aufl. [1934]. – Berlin: Duncker und Humblot. – 2006.

[13] Strang J. Two Generations of Scandinavian Legal Realists // RETFÆRD ÅRGANG 32 2009 NR. 1/124. – pp.62-82.

[14] Vad E. Strategie und Sicherheitspolitik: Perspektiven im Werk von Carl Schmitt. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1996.